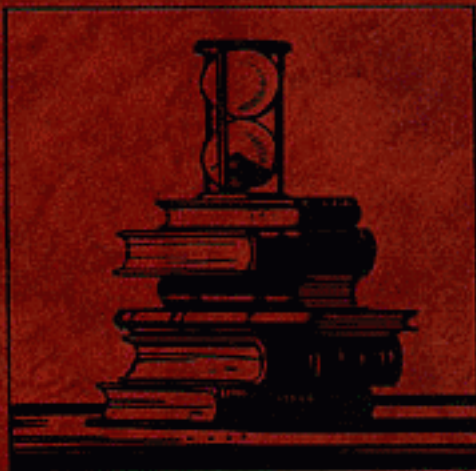

Бертран Рассел

ПОЧЕМУ
Я
НЕ ХРИСТИАНИН

Бертран Рассел

Почему я не христианин

*[http://vgershov.lib.ru/ARCHIVES/R/RASSEL_Bertran/
Pochemu_ya_ne_hristianin.%20\[txt-win\].zip](http://vgershov.lib.ru/ARCHIVES/R/RASSEL_Bertran/Pochemu_ya_ne_hristianin.%20[txt-win].zip)*

Почему я не христианин: Политиздат; Москва; 1987

Аннотация

В наследии английского философа, лауреата Нобелевской премии, активного борца за мир Бертрана Рассела (1872-1970) немалое место занимают проблемы атеизма. Рассел – страстный пропагандист свободомыслия, его статьи атеистического характера имеют такой разоблачительный накал, какой трудно встретить у других современных немарксистских авторов.

Содержание

Что такое христианин?	6
Существование бога	9
Аргумент первопричины	11
Аргумент естественного закона	14
Аргумент целесообразности	18
Нравственные аргументы в пользу существования бога	22
Аргумент искупления несправедливости	25
Личность Христа	28
Моральная проблема	33
Эмоциональный фактор	37
Как церкви задерживали прогресс	40
Страх – основа религии	42
Что мы должны делать	44

Бертран Рассел

Почему я не христианин

Издана отдельной брошюрой в 1927 году: Russell B. Why I Am Not a Christian. London: Watts & Co, 1927. Первоначально – лекция, прочитанная 6 марта 1927 г. в помещении ратуши Баттерси по инициативе Южно-Лондонского отделения Национального светского общества. Перевод на русский язык выполнен И. З. Романовым. См.: Рассел Бертран «Почему я не христианин». Москва, 1958.

Тема моей сегодняшней лекции вам уже известна из речи председателя – «Почему я не христианин». Пожалуй, с самого начала было бы хорошо сделать попытку разобраться в значении слова «христианин». Дело в том, что в наши дни великое множество людей пользуется этим словом в весьма неопределенном смысле. Некоторые люди имеют в виду под христианином всего лишь человека, старающегося вести добропорядочный образ жизни. В таком смысле, на мой взгляд, христиане нашлись бы во всех сектах и религиях; но мне кажется, что это неправильный смысл слова, хотя бы потому, что из него вытекает, будто люди, которые не являются христианами – все буддисты, конфуцианцы, мусульмане и так далее, – не стараются вести добропорядочный образ жизни. Для меня слово «христиа-

нин» вовсе не означает человека, старающегося в мере своих возможностей жить честно. Я полагаю, что, прежде чем получить право называться христианином, вы должны разделять известное количество определенных верований. Правда, ныне слово «христианин» утратило то полнокровное значение, какое оно имело во времена св. Августина и св. Фомы Аквинского¹. В те дни, когда человек заявлял, что он христианин, все знали, что именно он хочет этим сказать. Быть христианином значило принимать всю совокупность строжайшим образом определенных религиозных представлений и верить в каждую крупицу этих религиозных представлений со всей силой своего убеждения.

¹ Фома Аквинский (1225—1274) – средневековый философ и богослов, основатель томизма, доминирующего течения в католической философии. В 1323 был причислен клику святых, а в 1567 г. объявлен доктором церкви. Официальное одобрение его учение получило в папских энцикликах «Aeterni Patris» (1879) и «Studiorum ducern» (1923). Автор двух фундаментальных трудов – «Сумма теологии» (1266—1273) и «Сумма против язычников» (1259—1264), а также других произведений.

Что такое христианин?

Ныне совсем не то. Нам приходится быть несколько более неопределенными в своем понимании христианства. И все-таки я полагаю, что можно назвать два разных пункта, принятие которых совершенно обязательно для всякого, кто называет себя христианином. Первый пункт – догматического порядка – заключается в том, что вы должны верить в бога и бессмертие. Если вы не верите в эти две вещи, то, по моему мнению, вы не вправе называться христианином. Во-вторых, как явствует из самого слова «христианин», вы должны разделять известного рода веру в Христа. Ведь мусульмане, к примеру, тоже верят в бога и бессмертие, тем не менее христианами они называть себя не станут. Мне думается, что, как минимум, вы должны разделять веру в то, что Христос был если и не божественной личностью, то по крайней мере самым лучшим и мудрейшим из людей. Если вы не склонны разделять эту веру в Христа, то, на мой взгляд, вы не имеете никакого права называться христианином. Существует, конечно, и иной смысл слова «христианин», который вы находите в «Календаре» Уитекера² да в книжках по гео-

² Уитекер, Джозеф (1820—1895) – английский издатель. Его имя связано с «Альманахом Уитекера», впервые опубликованным в 1868 г. «Ка-

графии, где утверждается, что население земного шара делится на христиан, мусульман, буддистов, идолопоклонников и так далее; в этом смысле мы все христиане. Книжки по географии рассматривают нас скопом, но это чисто географический смысл слова, который, я полагаю, мы можем просто не принимать во внимание. Поэтому, задавшись целью объяснить вам, почему я не христианин, я считаю себя обязанным объяснить вам две разные вещи: во-первых, почему я не верю в бога и бессмертие и, во-вторых, почему я не считаю Христа самым лучшим и мудрейшим из людей, хотя я и признаю за ним весьма высокую степень нравственной добродетели.

Если я смог принять столь эластичное определение христианства, то этим я обязан исключительно тем плодотворным усилиям, которые были предприняты неверующими в прошлом. Как я уже указывал, в старину понятие христианства имело гораздо более полное и кровное значение. Например, оно включало в себя веру в ад. Вера в вечный адский огонь до самого недавнего времени составляла необходимую часть христианского вероучения. В нашей стране, как вы знаете, вера в ад перестала считаться необходимой частью христианского вероучения в силу постановления Тайного совета³ Правда, архиепископ Кентерберийский и архи-

лендарь» Уитекера – популярный справочный ежегодник.

³ Тайный совет – в Англии совет при короле, впервые возник в XIII в.

епископ Йоркский не признали этого постановления, но в нашей стране официальная религия устанавливается законами, принимаемыми парламентом, и потому Тайному совету удалось взять верх над их светлостями и вера в ад перестала считаться обязательной для христиан. Вот почему я не стану настаивать на том, что христианин непременно должен верить в ад.

Члены совета назначались королем из министров, придворных, высшего духовенства. Тайный совет состоял из ряда комитетов, в том числе и по вопросам религии.

Существование бога

Переходя к вопросу о существовании бога, я должен заметить, что это – большой и серьезный вопрос, и если бы я вздумал разобрать его хоть сколько-нибудь должным образом, то мне пришлось бы продержатъ вас здесь до второго пришествия. Так что вам придется извинить меня, если я коснусь его в несколько общей форме. Как вам, конечно, известно, католическая церковь установила в качестве догмы, что существование бога может быть доказано одним разумом, без помощи откровения. Это несколько странная догма, но тем не менее она является одной из ее догм. Ввести эту догму католическую церковь вынудило следующее обстоятельство. Одно время вольнодумцы завели привычку утверждать, что можно привести множество аргументов, при помощи которых один разум в состоянии опровергнуть существование бога; для католической же церкви существование бога, разумеется, было вопросом веры. Вольнодумцы принялись рьяно разрабатывать такие аргументы и доводы, и католическая церковь почувствовала, что этому надо положить конец. Оттого-то она и установила, что существование бога может быть доказано одним разумом, без помощи откровения, и ей пришлось выработать аргументы, ко-

торые, как она полагала, доказывают существование бога. Аргументов таких, понятно, довольно много, но я остановлюсь лишь на нескольких.

Аргумент первопричины

Пожалуй, проще и легче всего разобраться в аргументе первопричины. Приверженцы христианства утверждают, что все, что мы видим в этом мире, имеет причину; идя по причинной цепи все дальше и дальше вглубь, вы непременно должны прийти к первопричине, и этой-то первопричине вы и присваиваете имя бога. В наши дни, как мне представляется, аргумент первопричины не пользуется особенно большим авторитетом прежде всего потому, что само понятие причины стало далеко не таким, каким оно было в прошлом. Понятие причины подверглось атакам философов и людей науки и ныне уже не обладает той жизненностью, какой оно отличалось в прошлом; но и помимо этого вы можете убедиться в том, что аргумент, согласно которому должна существовать первопричина, является совершенно несостоятельным.

Признаюсь, что, когда я был еще молодым человеком и весьма серьезно ломал себе голову над этими вопросами, я долгое время принимал аргумент первопричины, пока однажды (мне было тогда 18 лет) не прочел «Автобиографию» Джона Стюарта Милля⁴, где

⁴ Милль, Джон Стюарт (1806—1873) – английский экономист и философ, представитель позитивизма и утилитаризма, известен своими тру-

наткнулся на следующее место: «Отец объяснил мне, что на вопрос: „Кто меня сотворил?“ – нельзя дать ответ, ибо это немедленно повлекло бы за собой новый вопрос: „А кто сотворил бога?“ Это необычайно простое место убедило меня, и до сих пор я пребываю в убеждении, что аргумент первопричины является ложным. В самом деле, если все должно иметь причину, то должен иметь причину и бог. Если же может существовать нечто, не имеющее причины, то этим нечто сама природа может быть ничуть не хуже бога, так что аргумент первопричины абсолютно недействителен.

По своей природе аргумент первопричины ничем не отличается от воззрения того индуса, который считал, что мир покоится на слоне, а слон – на черепахе; когда же индуса спрашивали: «А на чем же держится черепаха?» – тот отвечал: «Давайте поговорим о чем-нибудь другом». И впрямь, аргумент первопричины ничуть не лучше ответа, данного индусом. Ведь нет никаких оснований считать, что мир не мог возникнуть без причины; с другой стороны, нет никаких оснований считать, что мир не мог существовать вечно. Нет никаких оснований предполагать, что мир вообще имел начало. Представление о том, что вещи обязательно долж-

дами: «Система логики силлогистической и индуктивной» (1843), «Принципы политической экономии» (1848), «О свободе» (1859). Работы Милля «Автобиография» и «Три эссе о религии» были опубликованы посмертно, в 1874 г.

ны иметь начало, в действительности обязано убеждению нашего воображения. Поэтому, пожалуй, мне нет нужды более тратить время на разбор аргумента первопричины.

Аргумент естественного закона

Далее, весьма широкое распространение получил аргумент естественного закона. Особой популярностью этот аргумент пользовался на протяжении всего XVIII столетия, главным образом под влиянием сэра Исаака Ньютона и его космогонии. Люди заметили, что планеты вращаются вокруг Солнца в соответствии с законом тяготения. И люди решили, что происходит это вследствие того, что бог повелел планетам двигаться именно таким образом, а не иначе. Это было, разумеется, в высшей степени удобное и простое объяснение, которое избавляло людей от заботы смотреть глубже, чтобы дойти до объяснения самого закона тяготения. В настоящее время мы объясняем закон тяготения довольно сложным способом, который был введен Эйнштейном.

В мои намерения не входит читать вам лекцию о законе тяготения, как он был истолкован Эйнштейном, ибо это тоже отняло бы у нас много времени. Для наших целей достаточно сказать, что в нашем распоряжении нет больше понятия естественного закона в том виде, в каком оно существовало в ньютоновской системе, в которой по какой-то непостижимой причине природа вела себя всегда одинаково. Ныне мы обна-

руживаем, что очень многое из того, что мы считали естественными законами, на самом деле оказывается человеческими условностями. Вы знаете, что даже в отдаленнейших глубинах звездного пространства три фута всегда составляют ярд. Это, вне всякого сомнения, весьма примечательный факт, но вы вряд ли назовете его законом природы. А к той же категории относится очень многое из того, что рассматривалось прежде в качестве законов природы.

С другой стороны, в тех случаях, когда вам удастся получить какие-либо познания относительно того, как в действительности ведут себя атомы, вы обнаруживаете, что они в гораздо меньшей степени подчинены закону, чем это представлялось людям ранее, и что законы, к которым вы приходите, являются статистическими средними именно такого типа, в основе которого лежит случай. Всем вам известно, что существует закон, согласно которому при бросании костей двойная шестерка выпадает только в одном примерно случае из тридцати шести, и мы не усматриваем в этом доказательство того, что падение костей регулируется чьей-то волей; как раз наоборот, если бы двойная шестерка выпадала всякий раз, тогда мы сочли бы, что чья-то воля регулирует падение костей. К этому типу и принадлежат в своем большинстве законы природы. Они являются статистическими средними того типа, который выводится на основании законов случая; и дан-

ный факт делает всю эту историю с естественным законом гораздо менее убедительной, чем это представлялось в прошлом. Но и совершенно независимо от данного факта, отражающего преходящее состояние науки, которое может завтра измениться, вся идея о том, что естественные законы предполагают наличие законодателя, обязана своим возникновением смешению естественных и человеческих законов.

Человеческие законы являются предписаниями, повелевающими вам следовать определенной линии поведения, которую вы можете избрать для себя, но можете и отвергнуть; естественные же законы являются описанием того, как в действительности ведут себя вещи. И так как они являются просто описанием того, как в действительности ведут себя вещи, вы не можете утверждать, что должен существовать некто, предписавший им вести себя таким образом, ибо уже одно предположение об этом выдвигает перед нами вопрос: «А почему бог предписал именно эти законы, а не другие?» Если вы отвечаете, что он это сделал просто по своей доброй воле и без всякой причины, то тогда вы обнаруживаете, что существует нечто, не подчиненное закону, и, таким образом, ваша цепь естественного закона оказывается прерванной. Если же вы отвечаете, как отвечают более правоверные богословы, что во всех тех законах, которые бог предписал, он имел причину предписать именно эти законы, а не другие (при-

чина эта, конечно, заключалась в том, чтобы сотворить наилучшую Вселенную, хотя вам никогда и в голову не придет, что она похожа на наилучшую Вселенную), — словом, если имелась причина для тех законов, которые бог предписал, то в таком случае сам бог был подчинен закону. Следовательно, вы ничего не выгадываете от того, что ввели бога в качестве посредника. Вы приходите, по существу, к признанию закона, независимого от божественных установлений и предшествующего им, и допущение бога бьет мимо цели, так как он не является конечным законодателем.

Короче говоря, весь этот аргумент относительно естественного закона больше не имеет той силы, какой он обладал в прошлом. В своем обзоре аргументов я рассматриваю их во времени. С течением времени аргументы, используемые для доказательства существования бога, меняют свой характер. На первых порах они были незыблемыми интеллектуальными аргументами, воплощающими известные, вполне определенные заблуждения. Когда же мы подходим к Новому времени, они становятся менее почтенными в интеллектуальном отношении и все больше и больше отмеченными печатью своеобразной морализующей неопределенности.

Аргумент целесообразности

Следующая ступень в указанном процессе приводит нас к аргументу целесообразности. Всем вам известно, в чем заключается этот аргумент: все в мире устроено таким образом, чтобы мы могли в нем жить; а если бы мир был устроен хоть немного иначе, то мы не смогли бы в нем жить. Именно в этом состоит аргумент целесообразности. Порой он принимает довольно курьезные формы; например, можно услышать, что кролики потому имеют белые хвосты, чтобы в них легче было целиться. Не знаю уж, как оценили бы этот аргумент сами кролики. Аргумент целесообразности является удобной мишенью для насмешек. Всем вам известна острота Вольтера, что, по-видимому, нос был предназначен для того, чтобы на нем могли держаться очки. Правда, позднее выяснилось, что подобные насмешки не так уж метки, как это могло казаться в XVIII столетии, ибо со времени Дарвина мы стали гораздо лучше понимать, почему живые существа приспособлены к окружающей их среде. Дело вовсе не в том, что среда была создана таким образом, чтобы соответствовать живым существам; наоборот, сами живые существа изменились так, чтобы соответствовать окружающей их среде, и именно это является основой

приспособления. Никакой целесообразности это не доказывает.

Когда начинаешь вдумываться в аргумент целесообразности, то просто диву даешься, как люди могут поверить, будто наш мир, со всеми вещами, в нем находящимися, со всеми его изъянами, является самым лучшим, что только смогло создать всемогущество и всеведение на протяжении миллионов лет. Я действительно не могу поверить этому. Неужели вы думаете, что если бы вас наделили всемогуществом и всеведением да еще дали бы в придачу миллионы лет, чтобы совершенствовать созданный вами мир, то вы не смогли бы создать ничего лучшего, чем ку-клукс-клан, фашисты или м-р Уинстон Черчилль? Право, на меня не производят большого впечатления те люди, которые заявляют: «Взгляните на меня: я такое великолепное творение, что во Вселенной непременно должна существовать целесообразность». На меня великолепие этих людей не производит особенно большого впечатления. Вот почему я полагаю, что в действительности аргумент целесообразности является весьма и весьма убогим аргументом. К тому же если вы принимаете обычные законы науки, то вы должны допустить, что в конце концов человеческая жизнь и вообще жизнь на нашей планете прекратится: земная жизнь – всего лишь вспышка; она – ступень в процессе упадка Солнечной системы; на определенной ступени упад-

ка образуются такие температурные и иные условия, которые благоприятны для протоплазмы, и на короткое время в Солнечной системе возникает жизнь. Луна являет вам то состояние, к которому движется Земля, — нечто мертвое, холодное и безжизненное.

Мне возражают, что это угнетающий взгляд, а порой люди еще добавляют, что если бы они согласились с подобным взглядом, то после этого жизнь для них стала бы невыносимой. Не верьте этому; это совершеннейшая чепуха. На самом деле никто не станет особенно волноваться из-за того, что должно случиться через миллионы лет. Если даже иным и кажется, что они всерьез волнуются из-за этого, то на самом деле они обманывают сами себя. Люди волнуются из-за чего-то гораздо более земного, или они просто страдают несварением желудка; но в действительности никто не станет серьезно отчаиваться при мысли о чем-нибудь таком, что должно случиться с нашим миром через миллионы и миллионы лет. Вот почему, соглашаясь с тем, что предположение о неизбежности гибели жизни на самом деле является мрачным взглядом (по крайней мере, мне кажется, что мы вправе так утверждать, хотя порой, когда я принимаюсь размышлять над тем, какое употребление люди делают для своих жизней, этот взгляд представляется мне чуть ли не утешением), я не могу в то же время признать, что это такой взгляд, который делает жизнь невыносимой. Он просто побу-

ждает вас обратить свое внимание на другие вещи.

Нравственные аргументы в пользу существования бога

Теперь мы снижаемся еще на одну ступеньку в том, что я называю интеллектуальным сошествием (intellectual descent), проделанным теистами в их аргументации, и приходим к тому, что называют нравственными аргументами в пользу существования бога. Все вы, конечно, знаете, что в старину были в ходу три интеллектуальных аргумента в пользу существования бога и что все они были опровергнуты Иммануилом Кантом в его «Критике чистого разума»; но стоило ему опровергнуть эти аргументы, как он тут же сочинил новый аргумент, нравственного порядка, и совершенно уверовал в него. Кант был похож на многих людей: в интеллектуальных вопросах он был человеком скептического склада, но в вопросах нравственных он безоговорочно принимал на веру все понятия, усвоенные с молоком матери. Этот пример служит иллюстрацией настойчиво подчеркиваемого психоаналитиками факта, что идейные ассоциации, возникшие у людей в самом раннем детстве, оказывают на нас гораздо большее влияние, чем идейные ассоциации, возникшие в более поздние годы.

Итак, как я уже сказал, Кант сочинил новый, нрав-

ственный аргумент в пользу существования бога, и аргумент этот в различных формах пользовался необычайной популярностью на протяжении всего XIX столетия. Формы, которые принимает нравственный аргумент, весьма многообразны. Одной из них является утверждение, что если бы бога не существовало, то не было бы ни добра, ни зла. Меня в данный момент не интересует, есть ли вообще различие между добром и злом или такого различия нет: это вопрос другой. Меня интересует следующее. Если вы совершенно убеждены, что различие между добром и злом имеется, то тогда вы оказываетесь перед новой проблемой. Обязано ли это различие своим существованием божественному установлению или нет? Если оно обязано своим существованием божественному установлению, в таком случае для самого бога нет различия между добром и злом, и, следовательно, утверждение, что бог добр, утрачивает всякий смысл. Если же вы склонны утверждать, как утверждают богословы, что бог добр, тогда вам придется признать, что добро и зло имеют какое-то значение, которое не зависит от божественного установления, ибо божественные установления являются добрыми, а не злыми независимо от того обстоятельства, что они исходят от бога. Но если вы склонны признать это, тогда вам придется признать и то, что своим возникновением добро и зло обязаны не одному только богу. Разумеется, вы можете, если вам угодно, за-

явить, что существовало верховное божество, которое отдавало повеления богу, сотворившему этот мир; или вы можете принять воззрение, которого придерживались некоторые гностики, – воззрение, часто представлявшееся мне весьма убедительным, что на самом деле известный нам мир был сотворен дьяволом в тот момент, когда бог спал. В пользу этого воззрения можно привести немало доводов, и не мое дело их опровергать.

Аргумент искупления несправедливости

Нравственный аргумент принимает и иную, весьма любопытную форму, которая сводится к следующему: приверженцы христианства утверждают, что существование бога необходимо для того, чтобы утвердить в мире справедливость. В известной нам части Вселенной царит великая несправедливость; часто праведные люди страдают, а порочные преуспевают, и не знаешь, по поводу чего больше сокрушаться; но если вы хотите, чтобы справедливость восторжествовала во всей Вселенной, то вы должны допустить существование загробной жизни, где равновесие жизни, прожитой здесь, на земле, окажется восстановленным. Таким образом, приверженцы христианства заявляют, что должен существовать бог и должны существовать рай и ад, чтобы в конечном счете справедливость могла восторжествовать.

Это весьма любопытный аргумент. Если взглянуть на дело с научной точки зрения, то придется сказать: «В конце концов, я знаю только этот мир. Об остальной Вселенной я ничего не знаю, но, насколько вообще можно рассуждать о вероятном, следует заключить, что, наверное, этот мир является великолепным

образцом, и раз здесь царит несправедливость, то, по всей вероятности, несправедливость царит и повсюду». Представьте себе, что вы получили корзину апельсинов, раскрыли ее и обнаружили, что весь верхний слой апельсинов сгнил; ручаюсь, что вы не станете рассуждать: «Внизу апельсины должны быть хорошими, чтобы восстановить равновесие». Нет, вы решите: «Наверное, вся корзина никуда не годится»; и именно таким в действительности будет ход рассуждений научно мыслящего человека о Вселенной. Он решит: «Здесь, в этом мире, мы обнаруживаем много несправедливого, и это дает нам основание предположить, что справедливость не правит в мире; следовательно, данный факт служит нравственным аргументом против существования божества, а не в пользу его существования». Я, конечно, знаю, что в действительности принимать христианство людей побуждают вовсе не те интеллектуальные аргументы, о которых я беседовал с вами. Причины, которые в действительности побуждают людей верить в бога, вообще не имеют ничего общего с интеллектуальными аргументами. Большинство людей верит в бога просто потому, что эту веру в них вдалбливали с младенческих лет, и это – главная причина.

Другой могущественнейшей причиной, на мой взгляд, является желание иметь ангела-хранителя, своеобразное чувство, что у тебя есть старший брат,

который позаботится о тебе. Это чувство играет весьма серьезную роль в том, что оказывает влияние на стремление людей верить в бога.

Личность Христа

Теперь я хочу сказать несколько слов по теме, которой, как мне часто казалось, рационалисты уделяют явно недостаточное внимание, а именно по вопросу о том, был ли Христос самым лучшим и мудрейшим из людей. Обычно считается само собой разумеющимся, что в этом вопросе все мы должны быть согласны — да, был. Но я думаю иначе. Я полагаю, что найдется очень много пунктов, в которых я соглашаюсь с Христом гораздо больше, чем люди, исповедующие христианство. Не думаю, чтобы я смог следовать за Христом до конца, но я смог бы следовать за ним значительно дальше, чем может это сделать большинство людей, исповедующих христианство. Вы помните, что он сказал: «...не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую...» (Мф 5:39). Слова Христа не выражали какой-либо новой заповеди или нового принципа. Лао-цзы и Будда применяли этот принцип лет за 500 или 600 до Христа, но разве христиане принимают этот принцип на деле?

Я нисколько не сомневаюсь, например, что нынешний премьер-министр⁵ является самым искренним хри-

⁵ Речь идет о Болдуине Стэнли (1867—1947) — английском государственном деятеле, лидере консервативной партии, в 1923—1924, 1924—

стианином, и все же я никому из вас не посоветовал бы пойти и ударить его по одной щеке. Вы смогли бы убедиться, я уверен, что, по его мнению, Христос придавал этим словам переносный смысл. Имеется и другой пункт, который мне кажется прямо-таки великолепным. Вы помните, что Христос сказал: «Не судите, да не судимы будете» (Мф 7:1). А пользовался ли этот принцип популярностью в судах христианских стран? Не думаю, чтобы вам удалось это обнаружить.

Я лично уже в свое время знал немало судей, которые являлись самыми ревностными христианами, но ни одному из них даже в голову не приходило, что в том, что они делали, они поступали вопреки христианским принципам. А потом Христос говорит: «Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся» (Мф 5:42). Это очень хороший принцип.

Ваш председатель предупредил вас, что мы собрались сюда не для того, чтобы заниматься обсуждением политических вопросов. И все же я не чувствую возможности удержаться от замечания, что на последних всеобщих выборах борьба разгорелась как раз по вопросу о том, как желательно было бы отвратиться от хотящего занять у тебя. Поневоле начинаешь думать, что партии либералов и консерваторов в нашей стране составлены из людей, которые не согласны с учением

Христа, ибо они в этом случае, несомненно, самым решительным образом отвортились.

Я могу сослаться еще на одну заповедь Христа, которая, на мой взгляд, заслуживает всяческого одобрения, но я что-то не вижу, чтобы она пользовалась особой любовью среди некоторых из наших христианских друзей. Христос говорит: «...если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим...» (Мф 19:21). Это великолепнейшая заповедь, но, как я уже сказал, в жизни ей не очень-то следуют.

Все это, на мой взгляд, прекрасные заповеди, хотя жить согласно этим заповедям несколько трудновато. Я не хочу сказать, что сам живу согласно этим заповедям; но, в конце концов, я не ставлю перед собой подобной цели, да и спрос с меня другой, нежели с христианина. ИЗЪЯНЫ В УЧЕНИИ ХРИСТА

Отдав должное этим великолепным заповедям, я перехожу к некоторым пунктам, в которых, на мой взгляд, нельзя усмотреть ни высочайшей мудрости, ни высочайшей благодати Христа, которые ему приписываются в евангелиях. В данной связи я могу заметить, что мы не заняты исторической проблемой. Исторически вообще весьма сомнительно, существовал ли когда-либо Христос; если же он существовал, то о нем мы ничего не знаем. Таким образом, я не занимаюсь сейчас исторической проблемой, которая является необычайно трудной проблемой. Я занят тем Христом, который

изображен в евангелиях, принимая евангельский рассказ, как он есть; и здесь мы находим ряд вещей, которые отнюдь не свидетельствуют об особой мудрости Христа.

Начну с того, что Христос, несомненно, считал, что его второе пришествие произойдет в облаках славы еще до того, как смерть унесет всех людей, живших в его время. Это доказывают очень многие места из евангельских текстов. Например, Христос говорит: «... не успеете обойти городов израилевых, как придет сын человеческий» (Мф 10:23). И еще он говорит: «... есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят сына человеческого, грядущего в царствии своем» (Мф 16:28); есть много и других мест, из которых совершенно ясно, что Христос верил в то, что его второе пришествие произойдет еще при жизни многих живших в то время людей. Веру эту разделяли и ранние последователи Христа, и она составляла основу многих элементов его нравственного учения. Когда Христос говорил: «Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне» (Мф 6:34) – и другие подобные вещи, им двигало в весьма значительной мере убеждение, что второе пришествие произойдет в самом скором времени и что все обыденные, мирские дела не стоят и ломаного гроша.

Мне самому доводилось знать некоторых христиан, которые верили, что наступление второго прише-

ствия близко. Так, я знал одного приходского священника, который до смерти напугал свою паству, сказав перед ней, что не сегодня-завтра непременно наступит второе пришествие; правда, его прихожане вполне утешились, когда увидели, что он сажает в своем саду деревья. Но ранние христиане на самом деле верили в это и воздерживались от таких вещей, как посадка деревьев в своих садах, ибо они действительно восприняли от Христа веру в близкое наступление второго пришествия. Ясно, что в данном отношении Христос не был столь мудр, как некоторые иные люди, а уж о высочайшей мудрости его и вовсе говорить не приходится.

Моральная проблема

Вопрос о личности Христа надо рассмотреть и в нравственном плане. В нравственном облике Христа имеется, на мой взгляд, один весьма серьезный изъян, и заключается он в том, что Христос верил в ад. Я не могу представить себе, чтобы какой-нибудь человек, действительно отличающийся глубокой человечностью, мог верить в вечную кару. А Христос, как он изображен в евангелиях, несомненно, верил в вечное наказание, и мы неоднократно находим места, в которых он исполнен мстительной злобы против людей, не желавших слушать его проповеди, отношение к инакомыслящим, которое отнюдь не является необычным у проповедников, но которое несколько умаляет величие такой исключительной личности, как Христос. Вы не обнаружите подобного отношения к инакомыслящим, например, у Сократа. Сократ относился к людям, не желавшим его слушать, добросердечно и снисходительно; и такое отношение представляется мне гораздо более достойным поведением для мудреца, чем гнев. Вероятно, вы все помните, что говорил Сократ перед своей смертью и что он всегда говорил, обращаясь к людям, расходившимся с ним во мнениях.

А в евангелиях вы найдете, что Христос говорил:

«Змии, порождения ехиднины! как убежите вы от осуждения в геенну?» (Мф 23:33). Эти слова были обращены к людям, которые не приходили в восторг от его проповедей. Это никак нельзя, по-моему, признать наилучшим тоном, а в евангелиях есть очень много подобных мест об аде. И прежде всего, разумеется, известное место о прегрешении против святого духа: «...если же кто скажет на духа святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем» (Мф 12:32). Это место причинило миру неисчислимы страдания, ибо люди всех состояний и положений вбили себе в голову, что они совершили грех против святого духа, который не простится им ни в сем мире, ни в будущем. Я отнюдь, действительно, не думаю, чтобы человек, по своей природе наделенный в какой-то мере добротой, стал сеять подобные страхи и ужасы в нашем мире.

Далее Христос говорит: «Пошлет сын человеческий ангелов своих, и соберут из царства его все соблазны и делающих беззаконие и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов» (Мф 13:41-42); и он еще долго продолжает говорить относительно плача и скрежета зубов. Это повторяется во многих стихах, и для читателя становится совершенно очевидным, что Христос предвещает плач и скрежет зубовой не без некоторого удовольствия, иначе он не заводил бы об этом разговор так часто. Затем все вы, конечно, помните место про овец и козлов: как он в свое вто-

рое пришествие собирается отделить овец от козлов и сказать козлам: «...идите от меня, проклятые, в огонь вечный...» (Мф 25:41). А далее он снова говорит: «И если соблазняет тебя рука твоя, отсеки ее: лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огонь не угасает» (Мк 9:43-44). Эта тема тоже повторяется много раз. Я вынужден заявить, что вся эта доктрина, будто адский огонь является наказанием за грехи, представляется мне доктриной жестокости. Это доктрина, которая посеяла в мире жестокость и принесла для многих поколений человеческого рода жестокие муки; и Христос евангелий, если принять то, что рассказывают о нем его же собственные летописцы, несомненно, должен быть признан частично ответственным за это.

В евангелиях есть и другие, менее значительные вещи того же порядка. Возьмите пример с гадаринскими свиньями; вы, конечно, согласитесь со мной, что Христос не очень-то милосердно обошелся со свиньями, вселив в них бесов, так что стадо бросилось с крутизны в море. Вы должны помнить, что Христос был всемогущ и мог просто велеть бесам убираться на все четыре стороны; но он предпочел вселить их в свиней. А вот еще странный рассказ про смоковницу, который меня самого всякий раз совершенно озадачивал. Вы помните, что случилось со смоковницей. «Он взалкал; и, уви-

дев издалека смоковницу, покрытую листьями, пошел, не найдет ли чего на ней; но, придя к ней, ничего не нашел, кроме листьев; ибо еще не время было собирания смокв. И сказал ей Иисус: отныне да не вкушает никто от тебя плода вовек! И... Петр говорит ему: Равви! посмотри, смоковница, которую ты проклял, засохла» (Мк 11:12-14,21). Это действительно весьма странный рассказ, ибо дело происходило в такое время года, когда смоквы еще не созревают, и дерево было совершенно неповинным. Словом, я решительно отказываюсь признать, что в вопросах мудрости или в делах добродетели Христос занимает такое же высокое место, как некоторые другие люди, известные нам из истории.

Мне думается, что я лично поставил бы Будду и Сократа в обоих этих отношениях выше Христа.

Эмоциональный фактор

Как я уже указывал, действительная причина того, почему люди принимают религию, на мой взгляд, не имеет ничего общего с доводами рассудка. Люди принимают религию из эмоциональных побуждений. Часто нас уверяют, что нападать на религию весьма пагубно, ибо религия делает людей добродетельными. Уверяли в этом и меня; но я что-то не примечал, чтобы дело происходило действительно так. Всем вам, несомненно, известно, как пародировал этот аргумент Сэмюэл Батлер⁶ в своей книге «Возвращение в Едгин». Вы помните, что в «Едгине» изображен некий Хиггс, который попадает в далекую страну, проводит здесь некоторое время, а потом бежит из этой страны на воздушном шаре. Двадцать лет спустя Хиггс возвращается в ту же страну и обнаруживает, что едгинцы исповедуют новую религию, в которой предметом поклонения является он сам под именем Сына Солнца; и про него рассказывают, что он вознесся на небо. Хиггс прибыва-

⁶ Батлер, Сэмюэл (1835—1902) – английский сатирик, новеллист, эссеист и критик. Автор произведений «Едгин» (анаграмма слова «нигде»: «Erehwon», 1872) и «Возвращение в Едгин» (1901), романа «Путь всякой плоти» (1903, издан посмертно) и других работ. «Едгин» и «Возвращение в Едгин» были встречены современниками как лучшие сатирические произведения, вышедшие в Англии после «Путешествий Гулливера».

ет как раз в канун торжеств по случаю праздника вознесения. Он подслушивает разговор профессоров Хэнки и Пэнки, рассказывающих друг другу, что они никогда и в глаза не видывали человека Хиггса и, надеются, никогда не увидят; однако именно они и являются первосвященниками религии Сына Солнца. Хиггс приходит в великое негодование, приближается к ним и заявляет: «А я возьму да и разоблачу все это шарлатанство и расскажу жителям Едгина, что Сын Солнца – это всего лишь я, человек Хиггс, и это я улетел на воздушном шаре». Но Хэнки и Пэнки отвечают ему: «Вы не должны этого делать, ибо на мифе о Сыне Солнца держится вся нравственность этой страны, и если только едгинцы узнают, что вы не возносились на небо, все они погрязнут в пороках». Довод этот убеждает Хиггса, и он мирно покидает страну.

Именно эту идею внушают нам приверженцы христианства – будто все мы погрязли бы в пороках, если бы не придерживались христианской религии. А я полагаю, что как раз те люди, которые придерживались христианской религии, и отличались в большинстве своем вопиющей порочностью. Вы признаете, разумеется, тот любопытный факт, что, чем сильнее были религиозные чувства и глубже догматические верования в течение того или иного периода истории, тем большей жестокостью был отмечен этот период и тем хуже оказывалось положение дел. В так называемые ве-

ка веры, когда люди действительно верили в христианскую религию во всей ее полноте, существовала инквизиция с ее пытками; миллионы несчастных женщин были сожжены на кострах как ведьмы; и не было такого рода жестокости, которая не была бы пущена в ход против всех слоев населения во имя религии.

Взгляните на мир вокруг себя – и вы обнаружите, что каждая крупица прогресса в человеческих чувствах, каждое улучшение в уголовном законодательстве, каждый шаг, направленный на то, чтобы в мире было меньше войн, каждый шаг, сделанный с целью улучшить отношение к цветным расам, или любое смягчение рабства, любой нравственный прогресс, имевший место в мире, – все это неизменно наталкивалось на противодействие организованных церквей мира. И с полной ответственностью за свои слова я заявляю, что христианская религия в своей церковной организации была и все еще продолжает оставаться главным врагом нравственного прогресса в мире.

Как церкви задерживали прогресс

Вы можете подумать, что я хватил через край, когда заявил, что христианская религия все еще продолжает оставаться главным врагом прогресса. Я же полагаю, что я совершенно прав. Возьмите такой факт. Прошу вас извинить меня за то, что я его упоминаю. Факт этот не из приятных, но церкви вынуждают нас упоминать факты, не принадлежащие к разряду приятных. Представим себе, что в том мире, в котором мы живем ныне, неопытная девушка свяжет себя узами брака с сифилитиком; в подобном случае католическая церковь заявляет: «Это – нерасторжимое таинство. До конца своих дней вы обязаны оставаться вместе», и женщина не имеет права предпринимать никаких шагов, чтобы предотвратить появление на свет сифилитических детей. Вот что заявляет католическая церковь. Я же говорю, что это – дьявольская жестокость; и ни один человек, у которого естественные симпатии не оказались извращенными догмой или нравственная природа не омертвела совершенно для всякого чувства сострадания, не может утверждать, что продолжение подобного состояния вещей справедливо и правильно.

Сказанное – не более чем пример. Существует вели-

кое множество путей, при помощи которых церковь, настаивая на том, что ей угодно называть нравственностью, и в наше время причиняет различным людям незаслуженные и ненужные страдания. И как вам, разумеется, известно, церковь в лице большей части своих представителей все еще продолжает оставаться противником прогресса и улучшения во всем, что ведет к уменьшению страданий в мире, ибо ей угодно приклеивать ярлык нравственности к определенному узкому кодексу правил поведения, которые не имеют никакого отношения к человеческому счастью. А когда вы заявляете, что следует сделать то или другое, ибо сделанное вами будет содействовать человеческому счастью, церковники полагают, что это вообще не имеет никакого отношения к делу. «Какое отношение человеческое счастье имеет к нравственности? Ведь цель нравственности заключается вовсе не в том, чтобы сделать людей счастливыми. Цель нравственности — сделать их пригодными для неба». И, надо думать, не пригодными для этого мира.

Страх – основа религии

Религия основана, на мой взгляд, прежде всего и главным образом на страхе. Частью это ужас перед неведомым, а частью, как я уже указывал, – желание чувствовать, что у тебя есть своего рода старший брат, который постоит за тебя во всех бедах и злоключениях. Страх – вот что лежит в основе всего этого явления, страх перед таинственным, страх перед неудачей, страх перед смертью. А так как страх является прародителем жестокости, то неудивительно, что жестокость и религия шагали рука об руку. Потому что основа у них обеих одна и та же – страх. В этом мире мы начинаем ныне понемногу постигать вещи и понемногу подчинять их с помощью науки, которая шаг за шагом прокладывает себе дорогу, преодолевая вражду христианской религии, вражду церковей и сопротивление всех обветшалых канонов. Наука лишь может помочь нам преодолеть тот малодушный страх, во власти которого человечество пребывало в продолжение жизни столь многих поколений. Наука может научить нас – и этому, я думаю, нас могут научить наши собственные сердца – перестать озираться вокруг в поисках воображаемых защитников, перестать придумывать себе союзников на небе, а лучше положиться на собственные

усилия здесь, на земле, чтобы сделать этот мир местом, пригодным для жизни, а не таким местом, каким его делали церкви на протяжении всех этих столетий.

Что мы должны делать

Нам надо стоять на своих собственных ногах и глядеть прямо в лицо миру – со всем, что в нем есть хорошего и дурного, прекрасного и уродливого; видеть мир таким, как он есть, и не бояться его. Завоевывать мир разумом, а не рабской покорностью перед теми страхами, которые он порождает. Вся концепция бога является концепцией, перенятой от древних восточных деспотий. Это – концепция, совершенно недостойная свободных людей. Когда вы слышите, как люди в церкви уничижают себя и заявляют, что они несчастные грешники и все прочее, то это представляется уничижительным и недостойным уважающих себя человеческих существ. Мы же должны стоять прямо и глядеть открыто в лицо миру. Мы должны взять от мира все, что он может дать; и если это окажется меньше того, что нам хотелось бы, то в конце концов на нашу долю достанется все же больше, чем удалось взять от мира на протяжении всех минувших веков другим людям. Хорошему миру нужны знание, добросердечие и мужество; ему не нужны скорбное сожаление о прошлом или рабская скованность свободного разума словесами, пущенными в обиход в давно прошедшие времена невежественными людьми. Хорошему миру нужны

бесстрашный взгляд и свободный разум. Ему нужна надежда на будущее, а не бесконечные оглядки на прошлое, которое уже умерло и, мы уверены, будет далеко превзойдено тем будущим, которое может быть создано нашим разумом.

Воспроизведено по изданию: Бертран Рассел, «Почему я не христианин», Москва, Политиздат, 1987.